

ДОН НИГРО

КАРТИНЫ НА
ВЫСТАВКЕ

Дон Нигро

Картины на выставке

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800635

Картины на выставке:

Аннотация

Дон Нигро «Картины на выставке/Pictures at an Exhibition». 3 актера (2 женские и 1 мужская роль). Трудно определить жанр. Возможно, пьеса-притча. Каким видит человек себя и как его видят со стороны. Как отражается мир в искусстве и искусство в мире. Что есть истина, а что – ее видимость. Где граница между здравомыслием и безумием, реальностью и бредом. Все это находит место во взаимоотношениях супругов-художников и их натурщицы.

Содержание

Зеркала	5
Художница	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дон Нигро

Картины на выставке

«Картины на выставке» – цикл из девяти взаимосвязанных пьес, которые, если играютя вместе, должны быть представлены в одном спектакле с девятью картинами и антрактом между «Наполеонами» и «Копенгагеном». Каждая пьеса может игратья отдельно или в комбинации с любыми другими. В любом случае, каждая пьеса должна указываться в программке.

Зеркала

Один персонаж – ДЖОАННА, 29 лет, обращается к залу с пустой, за исключением трех деревянных стульев и мольберта, сцены.

ДЖОАННА. Я всегда боялась зеркал. Маленькой девочкой, иной раз глядя в зеркало, думала, что вижу что-то у себя за спиной, приближающееся ко мне, и, если продолжу смотреть в зеркало, тварь эта доберется до меня, а если повернусь лицом к твари, ее отражение в зеркале вонзит зубы мне в загривок или в загривок отражения человека в зеркале, которым была и не была я, чьей смерти я боялась и на которую надеялась. Но не глядя в зеркало, как я могла узнать, что в действительности в нем происходит? Подумала, что решение проблемы – второе зеркало, и поставила его позади себя, так что смогла видеть происходящее в обоих зеркалах, но привело это лишь к простому увеличению количества отражений, а следовательно, и опасности. Ты добавляешь одно зеркало, и внезапно получаешь множество зеркал, и собственных отражений, и тварей у тебя за спиной, жаждущих сомкнуть зубы на шеях и переломать их, как спички.

Исходя из вышесказанного, вы можете подумать, что я должна избегать зеркал, как вампир, но меня странным образом тянет к ним, и этого я боюсь больше всего. Не могу я

держаться вдали от них. Зачастую стою перед зеркалом часами. Делаю вид, будто протираю его, но уверена, что мой муж на это не клюет. Он думает, причина в тщеславии. Может, так оно и есть, а может – я пытаюсь преодолеть свой страх: не только перед безымянной тварью, пытающейся подкрасться сзади, но перед личностью в зеркале, которая смотрит на меня и вроде бы должна быть позади меня, где никого нет.

Вы знаете картину Данте Россетти «Как они встретили самих себя»? Молодая пара в лесу, и они только что сбежали, чтобы тайком пожениться, и идут по темному, зловещему лесу, и внезапно в густом сумраке замечают приближающуюся к ним пару, и они встречаются на маленькой поляне, и видят, что вторая пара – они самые, которые смотрят на них. Отражения в зеркале. Россетти нарисовал эту картину в свой медовый месяц, и я не могла не думать об этом в МОЙ медовый месяц, поэтому рассказала своему мужу. Он вроде бы не понял, почему это значило для меня так много, и я спросила его, а что бы он сделал, если бы мы, гуляя в темном лесу, наткнулись на наших зеркальных двойников. Он ответил: наверное, пригласил бы выпить пива. Видите, с чем я имею дело. И он далеко не глуп. Просто... смотрит другими глазами.

Поженившись, мы переехали из города в старый дом в сельской местности, и на чердаке, как героиня плохого кинофильма, я нашла старое зеркало, круглое и овальное, в раме из темного дерева. Я смотрела на него и гадала, а что ду-

мает личность, которая смотрела на меня. Отражение. Это отраженный свет. Свет отражается от меня, летит к зеркалу, отражается от него и попадает мне в глаза. Как луна. Луна – это отраженный свет. То есть, если я вижу отражение луны в зеркале, это свет солнца, который отражается от луны, летит к земле, отражается от зеркала и попадает мне в глаза. Моя жизнь – это зал зеркал, отражающихся от зеркал. Словно два зеркала смотрят друг на друга, бесконечное повторение, бесконечное возвращение. Повторение, как в воспроизведении, в искусстве, в театре, в сексе.

Я потеряла девственность в комнате смеха. Это правда. Ярмарочный парк развлечений приехал в наш город. Стоял июнь, лил дождь. В одном из павильонов работал юноша, которого звали Джонни Дефлорес. В первый вечер я пошла с подружками и встретила его. Во второй вечер пришла одна, и потом приходила каждый вечер. В парке развлечений так хорошо пахло. Картофелем-фри, и опилками, и вишневым газировкой, и попкорном, и жареным луком. Музыка гремела на карусели и «чертовом» колесе, на аттракционах кричали девушки. А в поздний час, когда люди расходились по домам, мы с Джонни шли в комнату смеха, где обнимались и целовались. Но я сдерживалась. Не шла до конца, что возбуждало нас сильнее и сильнее. И так продолжалось до самого последнего вечера.

Разразилась жуткая гроза, так что в тот вечер жители города предпочли остаться дома. Павильоны закрыли рано, и

мы с Джонни пошли в комнату смеха. Он запер все двери, мы остались вдвоем, мое сердце стучало, как молот, мы разделась догола и миллионы отражений наблюдали, как мы превратились в зверя о двух спинах, занимались этим под грохот грозы в залитом дождем пустынном парке развлечений. Секс – это комната смеха.

Я бежала домой по лужам и прокралась в темный дом, по лестнице поднялась в мою комнату, покидала в чемодан какие-то вещи. Собиралась убежать с ним. Мне было шестнадцать. Я помню, как улицы пахли после дождя, темные, старые, полные голосов, как вода капала с кленов, свет уличных фонарей отражался от мокрой мостовой. Я вернулась, но парк развлечений уже отбыл, без меня. Стояла посреди замусоренной пустой площадки, с чемоданом в руке, смотрела вниз, и видела, как она смотрит на меня из луж. Девушка из зеркала. Больше я его никогда не видела. Могла бы, потому что приходила мысль последовать за ним в соседний город, но я этого не сделала.

А пару недель спустя, открыв вечернюю газету, я увидела его фотографию. Случился пожар, глубокой ночью, в павильоне, где находилась комната смеха. Там его и нашли, голым, с местной девушкой, они лежали вместе в лабиринте зеркал. Пожарные могли бы их вытащить, но кто-то запер все двери. Ходили разговоры о поджоге. Вроде бы около павильона шныряла какая-то девушка. Я много раз думала о том, чтобы его найти, я очень, очень на него злилась, но остава-

лась дома. Никуда не поехала. Задавалась вопросом, а может, это девушка из какого-то другого города, которую он тоже соблазнил и бросил. Рядом с его фотографией газета разместила и фотографию погибшей девушки. Ее глаза смотрели на меня. И выглядела она совсем как я. Девушку, которую видели у павильона, так и не нашли. Но у меня есть версия.

Я думаю, это была девушка из зеркала. Та самая, что смотрит на меня. Она последовала за ним, дождалась, пока он приведет в комнату смеха ту, чье расположение ему удалось завоевать, и подожгла павильон. Это была не я. Это была она, девушка, которую я вижу теперь, которая смотрит на меня. Девушка из зеркала.

(Свет медленно гаснет).

Художница

Действующие лица

ДЖОАННА – 29 лет

БЕАТРИС – 24 года

Сцена пуста, за исключением трех деревянных стульев и мольберта.

(Сначала они обращаются к зрительному залу, потом друг к дружке).

ДЖОАННА. Я познакомилась с мужем в колледже, на курсе «Изобразительное искусство». Наши подходы совершенно не совпадали. Я тяготела к абстракции. Никогда не рисовала человеческие фигуры. Мои картины изображали музыкальные формы, числа, вещи, фрагменты предметов, лабиринты, старые дома, развалившиеся, сожженные, разрушенные. Мой муж рисовал женщин. Когда мы познакомились, он хотел нарисовать меня, но я ему не позволила. Не хотела становиться произведением искусства. Саму идею позиционирования, в одежде или без, я находила эстетически и морально отталкивающей. Его несколько удивила бурность мо-

ей реакции на предложение, которое многие сочли бы лестным. Но он не рассердился, не обиделся. Тут надо отдать ему должное. Ему даже понравилось, что у меня есть мнение. Он нашел это привлекательным. Но мое мнение он нарисовать не мог. Вот так и встретил ее.

БЕАТРИС. Я хотела стать актрисой и, естественно, была бедной, и подруга сказала мне, что я могу заработать, позируя для художников. Поначалу я не согласилась, но мне действительно требовались деньги, и выглядело это легким способом их заработать. Оказалось, что не так все и легко. Скорее, трудно. Но я привыкла. И встретила его.

ДЖОАННА. Я не верю в ревность. Не верю, что люди могут владеть друг другом. Если мой муж и я были верны друг другу, то по одной причине: мы этого хотели. На эту абсурдную формальность – заключение брака, мы пошли только потому, что хотели детей. Разумеется, как только выяснилось, что детей у нас не будет, официальность наших отношений перестала иметь хоть какое-то значение. Чтобы быть счастливыми, нам не требовались наши маленькие дубликаты из крови и плоти. У нас была работа. У меня – моя. И у него – своя.

БЕАТРИС. Он отличался от других. Когда смотрел – то видел меня. Не разговаривал со мной, когда работал, во всяком случае, вначале, но со временем такое иной раз случалось. Он задавал вопросы о моей жизни. Ничего особенного, но моя жизнь интересовала его, и меня это успокаивало. Он

меня смешил. Бывал таким обаятельным. И мне нравилось, что он на меня смотрит. У него был особый дар – он умел смотреть на человека. И я была тем самым человеком, говорил он, который обладал даром показывать себя.

ДЖОАННА. Она выглядела как я. Это я заметила сразу. Что-то в ней напоминало ему меня, поэтому он ее и выбрал, я в этом уверена. И при этом не могла она быть более несхожей.

БЕАТРИС. Есть некая чистота в том, что на тебя смотрят, когда ты вся в себе, а на тебя смотрит человек, знающий, как смотреть, и нисходит умиротворенность, ощущение, что ты не одинока, как человек бывает одиноким, скажем, в половом акте, но объединена с кем-то в некой его прелюдии. Должно быть, это нечто такое, что чувствовали люди, верившие, что есть Бог, как Ева в раю до появления змея.

ДЖОАННА. Терпеть не могу, когда на меня смотрят. Всегда это ненавидела. Открывала утром глаза и обнаруживала, что он смотрел на меня. Это бесило. Однажды утром проснулась, а этот сукин сын меня рисовал. Я встала, пошла на кухню, вернулась с кувшином виноградного сока и выплеснула на картину. Он не отреагировал, не двинулся. Я спросила, не собирается ли он наброситься на меня, хотя бы кричать, обзывая нехорошими словами. Он ответил, что виноградным соком картина стала даже лучше. Поэтому я ее сожгла. Я также терпеть не могу, когда меня фотографируют. Боюсь, как и Джеронимо, что камера украдет мою душу. Да-

же когда я смотрю в зеркало, насмешка всегда присутствует в глазах личности, которая я и не я.

БЕАТРИС. Я с самого начала знала: он выбрал меня, потому что я напоминала ее, и при этом она – полная моя противоположность, постоянно создает, но не приносит удовлетворенности, потому что рисует не людей, не живое, только предметы. И даже не предметы целиком. Сплошные тени и искривленная геометрия. Что-то такое, что никогда не посмотрит на нее. Она в ужасе от плоти и крови, поэтому рисует только смерть.

ДЖОАННА. Я пыталась убедить его рисовать других натурщиц, но он продолжал вновь и вновь использовать эту. Не желал отказываться от нее. Мы неделями практически не разговаривали. Я не позволяла ему прикасаться ко мне. Но при этом понимала. Какая-то моя часть понимала. Именно это особенно раздражало. Я не позволила бы ему вмешиваться в мою работу. Никогда и ни в чем. Но сама делала именно это. И не могла остановиться. Они столкнулись – работа и жизнь.

БЕАТРИС. Иногда, когда он работает, я прошу его рассказать о ней.

ДЖОАННА. Невозможно заполнить и то, и другое. Совершенство работы или жизни, говорил Йейтс. И все-таки я не могу их разделить. Не могу отличить танцующего от танца.

БЕАТРИС. И он говорит о ней, пусть и не впрямую.

ДЖОАННА. Наконец, в отчаянии, я пошла к ней.

БЕАТРИС. Для него общение с теми, кого он рисовал, существами, которые жили и дышали, было обязательным. Тогда как она могла иметь с ними дело лишь за рамками своей работы. Словно...

ДЖОАННА (*обращаясь к БЕАТРИС*). Простите, не помешала?

БЕАТРИС. Нет. Я просто читаю.

ДЖОАННА. Надеюсь, ничего слишком серьезного.

БЕАТРИС. Если на то пошло, Достоевского.

ДЖОАННА. Как мило. Не знаю, почему я заглянула к вам. Мне нужно совсем в другое место, но остановилась я здесь, чуть ли не случайно. Нет, я, конечно, знала, что вы живете здесь, и решила заглянуть, подумав, а вдруг вы дома.

БЕАТРИС. Я дома.

ДЖОАННА. Мне повезло.

БЕАТРИС. Я часто дома.

ДЖОАННА. Он рисует вас здесь?

БЕАТРИС. Нет. Только в студии. Или в лесу. Или на природе. Здесь – никогда.

ДЖОАННА. Так он никогда здесь не бывал?

БЕАТРИС. Иногда он подвозит меня домой.

ДЖОАННА. Ага.

БЕАТРИС. Хотите кофе?

ДЖОАННА. Я не пью кофе.

БЕАТРИС. Чая?

ДЖОАННА. Пожалуй, что нет.

БЕАТРИС. У меня «Ред Зингер».

ДЖОАННА. Я понимаю. (*Пауза*). Вы такая красивая.

БЕАТРИС. Я совсем как вы.

ДЖОАННА. Нет, ничего такого.

БЕАТРИС. Он так думает. Я, если честно, этого не вижу.

ДЖОАННА. Сможете, если посмотритесь в зеркало.

БЕАТРИС. Нет, не смогу.

ДЖОАННА. Почему? Кто вы? Сестра Дракулы?

БЕАТРИС. Я вижу отраженный свет. Я не вижу себя.

Ненавижу зеркала. Всегда ненавидела. Они превращают меня... Они превращают меня в ледышку. Зеркала холодные. Они – как лед. Я предпочитаю быть плотью. Внутри плоти. Заключенной в плоть.

ДЖОАННА. Вы предпочитаете, чтобы видели вас, а не видеть самой.

БЕАТРИС. Я предпочитаю быть плотью и кровью.

ДЖОАННА. Чем кем? Чем мною?

БЕАТРИС. Я склона думать, что вы – та же плоть и кровь.

В этом ничем от меня не отличаетесь.

ДЖОАННА. Спасибо. Как я понимаю, живопись вас особенно не волнует.

БЕАТРИС. Некоторые картины мне нравятся.

ДЖОАННА. Мои?

БЕАТРИС. Простите?

ДЖОАННА. Вам нравятся мои картины?

БЕАТРИС. Я их особо и не видела. А потом, не мне судить.

ДЖОАННА. Вы видели мою работу. Я встретила вас на выставке. Но вы ушли до того, как мы смогли поговорить.

БЕАТРИС. Я неважно себя чувствовала.

ДЖОАННА. От моих картин вам стало плохо?

БЕАТРИС. Я так не думаю.

ДЖОАННА. Тогда они вам понравились?

БЕАТРИС. Трудно сказать.

ДЖОАННА. Нет, не трудно. Так понравились они вам или нет?

БЕАТРИС. Нет.

ДЖОАННА. Почему? Потому что их нарисовала я?

БЕАТРИС. Разумеется, нет. Я пошла на выставку, потому что хотела лучше вас узнать, понять вас, но мне не понравилась ваша работа, потому что она мертвая. В ваших картинах нет жизни. Ничто не смотрит на вас. С картин вашего мужа кто-то всегда смотрит, или есть ощущение, что посмотрели бы, возникни такое желание. Все как с зеркалом.

ДЖОАННА. Но вы ненавидите зеркала.

БЕАТРИС. Почему вы пришли ко мне?

ДЖОАННА. Я пыталась избавиться от вас.

БЕАТРИС. Получилось?

ДЖОАННА. Нет. Я думаю, это небезопасно для моего мужа – тратить столько времени и энергии на одну натурщицу. Только не подумайте, что я хочу вас обидеть.

БЕАТРИС. Это здорово, что у него есть вы, которая может решить, что для него хорошо, а что – плохо.

ДЖОАННА. Язвить незачем. Я пришла с самыми дружескими намерениями.

БЕАТРИС. Не кажется вы мне очень дружелюбной.

ДЖОАННА. Я стараюсь.

БЕАТРИС. Вы хотите убедить вашего мужа перестать рисовать меня, чтобы потом я перешла к вам? Так?

ДЖОАННА. Я просто хотела увидеть вас.

БЕАТРИС. Вы видели меня раньше.

ДЖОАННА. Не наяву. Не так близко. Не так долго. Все еще прекраснее, чем я думала. Он не воздает вам должное.

БЕАТРИС. Чушь.

ДЖОАННА. Вы стали бы позировать кому-то еще, получив более выгодное предложение?

БЕАТРИС. Маловероятно, чтобы я получила такое предложение.

ДЖОАННА. Сколько он вам ни платит, я удваиваю сумму.

БЕАТРИС. Вы пытаетесь меня подкупить.

ДЖОАННА. Нет, не пытаюсь.

БЕАТРИС. Меня не подкупишь.

ДЖОАННА. Я не пытаюсь вас подкупить. Я пытаюсь вас нанять.

БЕАТРИС. И что от меня потребуется? Переехать в Эквадор?

ДЖОАННА. Позировать.

БЕАТРИС. Вы хотите меня рисовать?

ДЖОАННА. Да.

БЕАТРИС. Но вы не используете натурщиц.

ДЖОАННА. Собираюсь начать.

БЕАТРИС. Вы находите отталкивающей саму идею рисовать натурщиц. Он мне говорил.

ДЖОАННА. Я открыта новым веяньям.

БЕАТРИС. Но вам не нужна натурщица, чтобы рисовать какую-то дурацкую мешанину чисел, окон, старых часов и разломанной мебели на подстилке из макарон. Только не подумайте, что я хочу вас обидеть.

ДЖОАННА. Если человек – настоящий художник, он всю жизнь продолжает докапываться до истины. В последнее время у меня появилось неодолимое желание попробовать что-то другое. Я устала от... нет, меня не устраивает направление, в котором я продвигаюсь, со всеми этими макаронами и старыми часами. Мне хочется попасть на новую, неизведанную территорию.

БЕАТРИС. Нет. Я так не думаю.

ДЖОАННА. Почему? Если ваши отношения с моим мужем чисто профессиональные, тогда он, само собой, поймет, что вы приняли более выгодное предложение другого художника. Если бы он нашел натурщицу, которая понравилась бы ему больше вас, вы бы через минуту оказались за дверью.

БЕАТРИС. Я не хочу принимать ваше предложение.

ДЖОАННА. Другими словами вы признаете, что ваши отношения с моим мужем не только профессиональные.

БЕАТРИС. Я просто не хочу уходить от него.

ДЖОАННА. Если он захочет, чтобы вы остались, то перебьет мое предложение.

БЕАТРИС. Я не хочу ставить его перед таким выбором.

ДЖОАННА. А в чем проблема? Вы – натурщица. Я – художник. Я хочу оплатить ваши услуги. Что не так? В любом случае вы оказываетесь в выигрыше. Будете получать больше денег или от меня, или от него. Да и у меня может появиться желание перебить его цену.

БЕАТРИС. Вы не хотите меня рисовать. Вам нужно держать меня подальше от вашего мужа.

ДЖОАННА. Откуда вы знаете, чего я хочу?

БЕАТРИС. Это очевидно.

ДЖОАННА. Для меня – нет. Я серьезно отношусь к своей работе. Не стала бы тратить время и репутацию, долгие часы рисуя то, к чему не лежит душа. И только потому, чтобы заставить своего мужа найти другую обнаженную натуру, на которую он будет тарашиться изо дня в день. Послушайте, давайте попробуем. Один раз. Если вам не понравится позировать мне, мы закроем тему.

БЕАТРИС. Но почему?

ДЖОАННА. Потому что мне это нужно. Это как-то связано с зеркалами. Должно быть связано... Когда я смотрю на его картины, на которых изображены вы... Не могу я стоять

здесь, как идиотка, пытаюсь объяснить вам то, чего не понимаю сама. Чтобы выяснить, мне надо рисовать. Это не слова. Будь это слова, я смогла бы сказать или написать. Но именно потому, что это не слова, я должна... Ох, глупость какая-то. Извините, что потревожила вас.

БЕАТРИС. Подождите. Просто... это нарушение доверия. Вам так не кажется?

ДЖОАННА. Между вами и моим мужем?

БЕАТРИС. Да. Но также между вами и вашим мужем.

ДЖОАННА. Что ему до вашего позирования другому художнику?

БЕАТРИС. Вы – не просто другой художник.

ДЖОАННА. Для вас я просто другой художник. Остальное вас не касается. И что вам терять? Все, что вам придется делать – сидеть на месте, как вазе с фруктами. В чем проблема?

БЕАТРИС. Все гораздо сложнее. Когда объект, на который ты смотришь, может смотреть на тебя, он становится субъектом. Именно этого вы и не понимаете.

ДЖОАННА. Я понимаю. Поэтому и боюсь.

БЕАТРИС. Бойтесь чего?

ДЖОАННА. Смотреть на то, что может смотреть на меня.

БЕАТРИС. Тогда почему вы хотите рисовать меня?

ДЖОАННА. Потому что мне нужно, чтобы на меня смотрели.

БЕАТРИС. Почему бы не взять собаку?

ДЖОАННА. Потому что глядя на его картины, на которых изображены вы, я хочу понять, что происходит, когда он смотрит на вас и превращает в краску. Я вижу, что нарисовано, эту нарисованную поверхность, и со мной происходит что-то такое, чего я всегда боялась. Вот я и должна в этом разобраться.

(Пауза).

БЕАТРИС. Хорошо. Я это сделаю. Буду позировать вам. Но я не перестану позировать ему. В те дни, когда я ему не нужна, буду позировать для вас. Хорошо?

ДЖОАННА. Пожалуй. Я не хочу, чтобы вы выбирали между нами. Разумеется, он может захотеть.

БЕАТРИС. Чтобы я сделала выбор?

ДЖОАННА. Да.

БЕАТРИС. Он не захочет.

ДЖОАННА. Значит, никому вреда не будет, так?

БЕАТРИС. Не знаю, будет или нет. Наверное, мы это выясним.

ДЖОАННА. Я бы выпила кофе.

БЕАТРИС. Вы же не пьете кофе.

ДЖОАННА. Раньше не пила, но я раздвигаю горизонты, так? Осваиваю ранее неисследованное.

БЕАТРИС. Вам со сливками и сахаром?

ДЖОАННА. Не знаю. Решайте сами.

БЕАТРИС. Как скажете.

ДЖОАННА *(обращаясь к зрительному залу)*. Рисовать

ее... Рисовать ее – совсем не то, чего я ожидала. Абсолютно. Она очень чистая. Ее чистота успокаивает меня, и я обнаруживаю, впервые в своей жизни, что мне достает смелости рисовать человека, рисовать то, что я вижу, когда оно живое и смотрит на меня. Это действительно похоже на чудо, то, как я увлеклась, увлеклась.

БЕАТРИС. Я ему не сказала. То есть я думала, что он знал. Я думала, она скажет ему. Но она не сказала. И я тоже. И он продолжал рисовать меня. Он думает, что теперь я время от времени позирую другому художнику, и это, правда. Он просто не знает, скорее всего, не знает, что другой художник – его жена. Студии у них в разных местах, и нынче они редко смотрят на работы друг дружки. Оба люди замкнутые. И в прошлом, разумеется, в их картинах было очень мало общего. Но теперь что-то общее появилось. Они рисуют меня.

ДЖОАННА (*обращаясь к БЕАТРИС*). Он не знает?

БЕАТРИС. Что это ты – нет.

ДЖОАННА. Я всегда думала, что ты ему скажешь.

БЕАТРИС. А я думала, что скажешь ты. Он ни разу не упомянул об этом тебе, но ты все равно думала, что я ему сказала?

ДЖОАННА. Он не рассказывает мне все. У женатых это обычное дело. Почему ты не сказала?

БЕАТРИС. Не знала, как завести разговор. Я думаю, его задевало, первые несколько раз, когда я говорила, что не

смогу позировать в выбранное им время. Раньше он назначал время, как ему того хотелось. Воспринимал мое согласие, как должное. А теперь я иной раз занята, с тобой, и он это принимает. Никогда не задает вопросов, но я знаю, что его это тревожит.

ДЖОАННА. По-твоему, он верит, что ты спишь с другим художником?

БЕАТРИС. Я не знаю, что он думает. Почему бы тебе не спросить?

ДЖОАННА. Едва ли это та тема, которую мы с мужем можем обсудить.

БЕАТРИС. Мне кажется, вы с мужем вообще мало что обсуждаете.

ДЖОАННА. Это правда. Наши отношения, по большей части, бессловные.

БЕАТРИС. В отличие от наших с тобой.

ДЖОАННА. Нет. Наши отношения одновременно бессловные и словесные. Иногда мы используем рты, иногда — нет. Мы говорим обо всем. За исключением, естественно, самого главного. Об этом мы не говорим.

БЕАТРИС. Почему мы не говорим?

ДЖОАННА. Потому что ты не хочешь сказать, а я не хочу знать.

БЕАТРИС. Не думаю, что теперь это самое важное. Было, возможно, в самом начале, но теперь нет. Теперь, думаю, самое важно то, что ты не хочешь мне сказать, а я не хочу

знать.

ДЖОАННА. Учитывая обстоятельства, просто удивительно, что мы с тобой нашли о чем поговорить, и нашли много чего, учитывая, что мы столько не хотим знать.

БЕАТРИС. Ты изменила свою философию живописи? Я хочу сказать, теперь, когда ты рисуешь меня вместо коробок, овалов и шагающих цифр?

ДЖОАННА. Не было у меня философии живописи. Она для тех болванов, которые не умеют рисовать. Я просто делаю то, что правильно.

БЕАТРИС. И это не для болванов?

ДЖОАННА. Это для болванов, которые УМЕЮТ рисовать.

БЕАТРИС. Мне нравится позировать тебе. Мне нравится ощущение, которое возникает, когда ты смотришь на меня. Знаешь, во второй половине дня я должна быть в студии твоего мужа. Но мне здесь так хорошо, что я совершенно об этом забыла.

ДЖОАННА. Какое совпадение. Мы с мужем собирались встретиться за ланчем, то есть я тоже его продинамила.

БЕАТРИС. Какие мы ужасные. Он такой милый человек.

ДЖОАННА. Да, но ему придется к этому привыкать, правда? Я хочу сказать, это, в конце концов, искусство.

БЕАТРИС. Да. Его красота. Как только она захватывает тебя, ничего другому места не остается. Нет ничего сравнимого с этой красотой.

ДЖОАННА. Это правда. Знаешь, ты становишься все больше похожа на меня.

БЕАТРИС. Я так не думаю. Это ты становишься все больше похожа на меня.

ДЖОАННА. Одно или второе. Может, и то и другое разом. А может, ты и я становимся все больше похоже на ту девушку в зеркале. Ты думаешь, моему мужу со временем станет труднее различать нас?

БЕАТРИС. Я думаю, он узнает.

ДЖОАННА. И как он узнает?

БЕАТРИС. Потому что я стану той, кого не окажется на месте, когда ему понадобится натурщица. А ты станешь той, кого не окажется на месте, когда ему понадобится жена.

ДЖОАННА. Понимаю. Что ж, это хорошо. Это хорошо, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.